

Никита СВИКУЛЬ

Родился в 1998 году в Брянске. Окончил Смоленский государственный медицинский университет по специальности «врач-педиатр». Участник Слета молодых литераторов в Большом Болдине (2019, 2020). Участник Брянского литературного объединения при Союзе писателей России. Живет в Брянске.

ЭКЗАМЕН

Экзамен по гистологии подходил к концу. Недавно переполненная студентами аудитория опустела. Дышать стало легче. Галина Григорьевна застегнула свой халат и продолжила подписывать ведомости. Вера Степановна, сидевшая рядом, спрашивала:

– Коленька, ты говоришь, и говоришь правильно, соединительная ткань действительно делится на клетки и межклеточное вещество. Так какие же клетки в ней присутствуют?

Вера Степановна – да простит меня Галина Григорьевна, что я начал не с нее, – женщина высокая и статная. Несмотря на свой возраст, она следит за своей внешностью и нисколько не стесняется своих длинных седых волос. Ее добрый нежный голос всегда успокаивал студентов и давал надежду даже самым беспросветным. Галина Григорьевна – заведующая кафедрой – может, и хотела бы быть помягче, но ей казалось, что уже слишком поздно что-то менять. Да и разве заведующая может себе позволить подобные послабления? Она была небольшого роста и слегка полненькая. За кафедрой она всегда стояла на небольшом стульчике.

– Ну так что, Коленька? – ласково переспросила Вера Степановна.

Напротив экзаменаторов сидел раскрасневшийся студент. Он хотел было что-то сказать, но замялся и уткнулся глазами в свой листок, пытаясь там что-то найти. Но, признаться, искать там было нечего – листок был пуст, если не считать обведенные и заштрихованные ручкой квадратики.

– Мы закончим сегодня когда-нибудь или нет? – измученно спросила Галина Григорьевна.

Вера Степановна в ответ лишь улыбнулась.

– Так, молодой человек, – строго начала заведующая, – давайте четко, по пунктам, как в методичке.

Студент с надеждой посмотрел назад, но там некому было помочь. Он был последним отвечающим.

– Ну-у, – начал студент, – клетки соединительной ткани подразделяются на...

– Так, какие клетки синтезируют компоненты межклеточного вещества соединительной ткани? – спросила Галина Григорьевна.

Вера Степановна с надеждой смотрела на студента. Из ее губ так и рвался ответ, она еле сдерживалась.

– Макрофаги, – ответил студент, вспомнив знакомое слово.

– Пф-ф, – всплеснула руками заведующая, – ну это уже просто смешно! Макрофаги! За синтез протеогликанов, оказывается, отвечают макрофаги, Вера Степановна, представляете?!

Она бросила очки на стол, протерла глаза и устало посмотрела в окно.

На улице был ясный солнечный день. Такой день чаще всего бывает в середине июня. Прохожие в легкой одежде, блики солнечных лучей на автомобилях, гремящие по рельсам трамваи с открытыми форточками, зеленая листва – все за окном было так, как и должно быть за любым приличным окном в середине июня.

– Этот вопрос вы не знаете, следующий, – холодно, продолжая смотреть в окно, сказала заведующая.

Студент весь обмяк и готов был уже просто молчать, лишь бы это все быстрее закончилось.

– Давай, Коленька, какой следующий вопрос? – спросила Вера Степановна и взяла билет. – Средний отдел пищеварительной системы. Общая морфофункциональная характеристика. Отлично, тут все просто. Давай начнем с того, что там происходит.

– Ну-у, переваривание пищи.

– Химическая обработка, – шепнула Вера Степановна.

– Химическая обработка пищи, – подхватил студент.

– Вера Степановна, я попрошу вас, – сделала замечание Галина Григорьевна. – Из чего состоит стенка кишечника?

Ответ на этот вопрос студент, конечно же, не знал и всем видом пытался показать это Вере Степановне. Она, в свою очередь, беззвучно шевеля губами, как могла подсказывала.

– Слизистая оболочка, собственная пластинка, – аккуратно перечислял студент.

Вера Степановна одобрительно кивала и продолжала подсказывать.

– Дальше, дальше! Характеристику, функции! – гремела Галина Григорьевна.

Студент вздрогнул и весь сжался.

– Галина Григорьевна, это я вас попрошу, – возмущенно сказала Вера Степановна. – Вы Коленьке слова не даете вставить! Продолжай, не бойся.

– Стенка среднего отдела, – робко продолжил студент, – еще представлена...

– Мезотелием, – прошептала Вера Степановна

– Пезантелием, – ответил студент.

– Вера Степановна, еще одно замечание, и я как заведующая буду вынуждена попросить вас выйти.

– Чтоб вы тут вконец замучили бедного студента?

Студент изо всех сил старался изобразить мученика.

– У нас с вами разные взгляды на контроль обучения, – подметила заведующая. – Молодой человек, прошу, продолжайте. Перечисляйте функции собственной пластинки слизистой оболочки.

Студент даже примерно не мог представить, что ему говорить. Вера Степановна, аккуратно, вверх ногами, написала на листке: «Антитоксическая». Студент повернул голову, чтобы лучше рассмотреть.

– Антитоксическая, потом... еще...

Вера Степановна продолжала писать.

– Молодой человек, не задерживайте нас и себя. Если не знаете – дверь открыта.

– Галина Григорьевна, он волнуется, дайте ему сосредоточиться. Вы что, сами себя студенткой не помните?

– Отлично помню! Выпуск 74-го! Красный диплом! Медаль! Активистка академии! – отчеканила заведующая.

– Ага, а четверок в этом красном, больше, чем у меня, – ответила Вера Степановна.

Заведующая вспыхнула и встала из-за стола.

– Зато у меня отродясь троек не было, чего не скажешь о вас!

– У меня-то одна, и то по физике, – сказала профессор, тоже встав из-за стола.

– Может, поэтому я заведующая, а вы, Вера Степановна, просто профессор.

Студент оторопел, но вовремя опомнился и, решив воспользоваться моментом, достал телефон и чуть ли не весь целиком залез в экран.

Экзаменаторы тем временем продолжали:

– Как методички меня просить обновлять, так вы первая, а как лекционный материал мне сбросить, так вас днем с огнем не сыщешь.

– Про лекции у меня с вами отдельный разговор!

– Конечечно. Еще бы!

– Кто вам сказал, что коллаген третьего типа входит в состав волокон базальных мембран?! Где вы нашли эту информацию?

– Нет у меня в лекциях подобного!

– А, то есть я, по-вашему, это выдумала сейчас, да?

Студент судорожно исписывал лист. Источники развития, строение слизистой, покровный эпителий, отделы желудка, возрастные особенности, кровоснабжение. Он не знал, за что хвататься, и строчил все подряд. Перед его глазами мелькали черные буквы, которые он, едва заметив, подхватывал и лепил к себе на листок. И только где-то вдалеке он слышал:

– А по средам? Разве в эти дни вы со студентами занимаетесь? Не дурите мне голову, с ними сидит лаборант, вас прикрывает!

– А где мои обещанные полторы ставки, а? Скажите?!

Экзаменаторы, точно дуэлянты, сошлись в центре аудитории и встали друг против друга.

– У Екатерины Олеговны, значит, есть свободные окна, а у меня, с таким же графиком, нет?!

– А вы на доцентов не смотрите! Я с вас спрашиваю.

– Я тридцать пять лет проработала под вашим руководством и, знаете, я больше уже не могу!

– Не можете? Не надо!

– Не хочу! Бедные студенты!

Вера Степановна развернулась и вышла из аудитории, хлопнув дверью. Галина Григорьевна стояла посреди аудитории и тяжело дышала.

Придя в себя, она вернулась за стол и продолжила экзамен как ни в чем не бывало. Студент успел спрятать телефон в карман и сделать вид, будто думал над чем-то очень серьезным и умным. О структуре

высокопризматического покровно-железистого эпителия или о чем-то подобном.

– Прошу меня извинить, – начала Галина Григорьевна, – на чем мы остановились?

Студент положил на стол небрежно исписанный с двух сторон лист и с облегчением выдохнул. Он чувствовал себя спокойно, точно экзамен уже закончен. Так обычно чувствует себя рыбак, наконец-то поймавший долго сопротивляющуюся рыбу.

– На функциях собственной пластинки, – ответил он.

– Пожалуйста.

– Кроме антитоксической гранулоциты и лимфоциты, содержащиеся в собственной пластинке, обеспечивают и антибактериальную функцию. Также они участвуют в лейкопидезе.

– Так, дальше, давайте про желудок.

Студент забежал глазами по листу и стал отвечать. Галина Григорьевна одобрительно кивала и продолжала спрашивать. Студент, хоть и с трудом разбирал свой почерк, но отвечал.

– И последний вопрос, – сказала Галина Григорьевна. – Кровоснабжение.

– От чревного ствола, – ответил студент. – Через правую и левую желудочные артерии.

– Хорошо. Вы меня, конечно, извините, но это только три, и то с натяжкой.

– Да, конечно, – просиял студент.

– Давайте зачетку.

Галина Григорьевна взяла зачетку и, среди столбов троек, вывела еще одну. Студент в мгновение ока оказался за дверью.

Через некоторое время в аудиторию зашла Вера Степановна.

– Ну что, Галя, мы закончили?

– Закончили, – устало ответила заведующая.

– А я думала, что уже не додумается списать, ну хоть на что-то способен.

– Да, но грустно это все равно, конечно.

– Ну а что мы можем поделать?

– Вер, как что, двоек наклепать.

– А тебе так сильно хочется перед деканатом отвечать? Такие все равно врачами не станут. Третий курс даже не переживут.

– Тоже верно.

– Какая им патологическая анатомия с патфизом, когда они ацинус с нефроном путают.

Экзаменаторы сняли халаты, повесив их на плечики в шкафу, собрали ведомости за экзамен, закрыли аудиторию и ушли.

А на улице начался грибной дождь. Светило солнце, на горизонте показалась радуга, блеснул асфальт. Тоже довольно знакомая картина для середины июня.

РАЗ В ГОД

Илья, выпускник педиатрического факультета, шел поздравлять бабушку неохотно. Раз в год он получал в руки от мамы подарочный пакет и смиренно шагал дворами через весь район. На этот раз содержимое пакета было еще скромнее, чем год назад: коробка конфет и... шоколадка. Илье даже стало как-то не по себе. Он забежал в магазин через дорогу и докупил коробку чая.

На улице было серо. Снег, накопившийся за выходные по бокам дорог, растекался по улицам. Под ногами хлюпало и скользило.

– Внук! – крикнул в домофон Илья.

– Внук? – удивленно переспросила бабушка. – Ах, Ильюша, проходи.

В квартире его встретила маленькая, худая, с редкими седыми волосами старушка.

– Ильюша, – начала она, – какой же ты большой стал! Раздевайся, проходи.

– Бабушка, – Илья протянул ей пакет, – это тебе от всех нас. С наступающим!

Бабушка улыбнулась и поставила пакет на стул.

– Прходи, не разувайся.

Илья даже не стал спорить и прошел в мокрых ботинках в комнату.

С каждым годом комната становилась меньше. Некоторые предметы уменьшались или исчезали, а другие – такие, как стол, полный лекарств, или диван, заваленный подушками, – становились больше, завоевывая почти все место в комнате. Вдоль ковра, прижавшись спинками к стеклянному стеллажу, стоял ряд стульев, доверху заваленных одеждой. Соседний стол – поменьше, чем стол с лекарствами, – был до краев заставлен книжками, с желтыми от времени страницами. С потолка свисала люстра, тускло освещающая комнату. От всего пахло сухой застоявшейся пылью и корвалолом.

Илья провалился в диван.

– Лариса, – донеслось с кухни.

– Ну чего тебе! – крикнула бабушка.

– Дай мне с Ильей поговорить.

В комнату зашел высокий, тощий старик.

– Здравствуйте, Андрей Афанасьевич.

– Говори громче, – сказала бабушка, – он совсем слышать перестал.

Илья сказал громче.

– А, привет, привет.

Говорил старик хрипло, тяжело, словно в гортани ему что-то мешало. В руках он держал ложку с засохшей на ней гречкой.

– Ты, – старик поперхнулся, – прочел брошюру, которую я тебе в прошлый раз давал?

– Дай ты мне с внуком поговорить! – перебила его бабушка. – Мой внук, не твой.

На стене, рядом со шкафом, висел знакомый Илье портрет. На нем был изображен мужчина, похожий чем-то на лысого Блока. Это, насколько помнил Илья, был отец бабушки.

– Щас я с ним немного поговорю, – хрипел старик, – а потом ты будешь болтать сколько захочешь.

Илья вспомнил, что год назад было ровно наоборот: сначала с ним разговаривала бабушка, а только потом Андрей Афанасьевич.

– Иди на кухню, – продолжал старик, – дай нам об умных вещах поговорить. Нечего тебе такое слушать.

– Дурак старый, – тихо сказала бабушка, взяла у него из рук ложку и вышла из комнаты.

– Им такое слушать вредно, – сказал старик. – Женщина должна заниматься бытом и семьей. Мужчина – мыслить и обеспечивать.

Илья был не согласен, но промолчал.

– То, что мы с тобой читаем, – он указал пальцем на стопку пожелтевших книг, – им, – старик затряс пальцем, – никогда не понять!

Лысый Блок смотрел со стены взглядом, полным возмущения.

– Ну так что, – старик поперхнулся, – читал ты брошюру, что я тебе давал?

Илья припомнил, что год назад Андрей Афанасьевич дал ему тоненькую книжку с изображением каких-то индийских людей в золотых украшениях. Он тогда повертел ее в руках и тут же, пока старик не видел, незаметно засунул между книжками на столе. Илья пошарил глазами по комнате и нашел уголок этой брошюры, торчащий там же между книг, где он ее и оставил.

– Да, конечно, прочел, – соврал Илья.

– И что ты понял?

– Ну, это было интересно, – начал импровизировать Илья. – Я, конечно, не сторонник всего этого, – он окинул взглядом комнату, – но для общего развития – было полезно прочесть.

– Во-от! – обрадовался старик. – Для общего развития! Как же мы мало знаем о нашем мире, а то, что находится за его пределами, а?

Илья посмотрел под ноги. Снег на ботинках растаял, и на ковре вырисовывалось темное пятно.

– Нам нужно вырваться из круга перерождений и оказаться в Голоке, понимаешь? Мы не знаем, кем мы были в прошлой жизни. Коровай там или червяком, букашкой или человеком, это не важно. Важно то, что если мы до сих пор здесь, значит в прошлой жизни мы что-то сделали не так и были наказаны.

Илья попытался представить себя коровай, которая в своей жизни где-то свернула не туда.

– У тебя, – старик показал пальцем на Илью, – есть все шансы закончить свое путешествие на земле в этой жизни!

Так продолжалось еще достаточно долго. Андрей Афанасьевич восторженно, надрывая связки, говорил о земном перерождении и прочих сопутствующих вещах, а Илья, как и любой порядочный человек, терпеливо ждал, пока собеседник закончит беседу. Через какое-то время Андрей Афанасьевич начинал приподниматься, качаться из стороны в сторону, подводить разговор к логичному концу, но потом вновь цеплялся за край своих сухих мыслей и хриплым голосом продолжал:

– И все наши привычки, страсти, поведение, – старик раскинул руки, насколько мог, – все это... из прошлых жизней. Мы их не помним, но след они оставляют.

Илья чуть не засмеялся, представив себя опять коровой, полной страстей.

– Давай уже, заканчивай, – крикнула бабушка, войдя в комнату, – тебе еще в палату идти!

– Да, Лариса, сейчас, – отрезал старик. – Я просто хочу, – обратился он к Илье, – чтобы ты знал и понимал, что мы не просто так живем на земле и что все это, – он опять раскинул руки, – есть великий замысел Кришны.

Илья кивнул и, намекая на завершение беседы, протянул Андрею Афанасьевичу руку.

– Дать тебе что-то почитать? – пожимая руку, спросил старик.

– Нет, нет, спасибо. Мне есть что сейчас читать, – ответил Илья.

– И что же ты читаешь?

Илья посмотрел на портрет.

– Блока. Стихи.

– А-а, – одобрительно кивнул старик, – поэзия – это одно из...

– Давай уже, а то закроется палата, – перебила его бабушка, направляя к выходу.

Старик заторопился, но то и дело останавливался, пытаясь что-то припомнить, сказать, даже поднимал палец вверх, точно сейчас произнесет что-то важное, но кроме поперхиваний Илья ничего не услышал.

– Совсем он тебе голову задурил, Ильюша, – шепотом сказала бабушка, присаживаясь рядом.

– Да нет, – смущенно ответил Илья.

В руках бабушка держала картонную вырезку, на которой черным маркером были написаны названия лекарств.

– Сплю я плохо, Ильюша, – начала жаловаться она, – посплю четыре часа, и то хорошо.

Илья читал список лекарств. Из всего перечня он сумел увидеть только один-единственный препарат, который знал: «Атенолол» – бета-блокатор. Все остальные лекарства были сплошной гомеопатией со смешными, маркетинговыми названиями. Сухим тонким пальцем бабушка водила по названиям и на каких-то останавливалась, спрашивая:

– А вот это хорошее лекарство?

– Я... я не знаю, я же не взрослый врач... педиатр.

– Ах, ну да, да, – как бы припоминая, сказала бабушка, – ты же с детьми.

– Ну а вот это, – она показала на какую-то то ли «Спирулину», то ли «Сопрулину», – знаешь?

– Нет.

– А мне он так хорошо помогает!

– Это хорошо.

– Аватары же не просто так появляются на земле! – донеслось из прихожей.

Илья ничего не ответил.

В пороге показался, в ушанке и потертой зеленой куртке, Андрей Афанасьевич.

– Они приходят, чтобы показать нам, как нужно жить, чтобы быть в самом конце вместе с Кришной. Да и то, что сейчас происходит с миром, – он начал перечислять различные катаклизмы, – не просто так! Это наказание нам за нашу бестолковую жизнь!

– Иди уже, – крикнула бабушка, – опоздаешь!

Старик одернулся, что-то пробубнил и вышел. Бабушка с облегчением выдохнула, махнула рукой и продолжила:

– Сплю плохо. Бывает, в десять усну, а проснусь в три и, – она показала на свои глаза, – ни в одном сна нету.

– Из-за недостатка физической активности организм не успевает уставать, – объяснял Илья, – отсюда такой короткий сон. Все старые люди мало спят.

– Да откуда взять эту физическую двигательность, Ильюша. Сил нет ни на что. Вот, – она показала на ряд стульев, – вытащила все вещи из шкафа – перебрать. Уже неделю так лежат, не доходят руки.

Илья представил, что когда-нибудь эти стулья оживут и, одетые, сбегут из этой квартиры, тихо перебирая скрипящими ножками.

Бабушка продолжала разговор о лекарствах, и Илью в какой-то момент даже начало это веселить. Он с удовольствием брал со стола бесполезные препараты и вертел их в руках.

– А вот это, – бабушка приободрилась и буквально скакала вокруг стола с лекарствами, – мне Изерская посоветовала.

Илья взял в руки стопку пластинок, перемотанных резинкой и, не прочитав название, сказал:

– Хорошие, да.

– А вот эти, – говорила бабушка, как бы хвастаясь, – последние в аптеке были. Дороги-ие, ужас.

– Вон как, – подыгрывал Илья, – неплохо, неплохо.

Вдруг за окном раздались хлопки. Стекло, сквозь узорчатый тюль, празднично заиграло красками. Уже вечернее, темно-синее, небо сверкало красными, зелеными и золотыми искрами. Каждый взрыв образовывал над домами яркий световой круг. Разноцветные огни разлетались в разные стороны, рисуя круги. В парке на деревьях висели золотые гирлянды, а из-за угла был даже виден кусочек елки на центральной площади. Илья, замерев, стоял у окна. Только сейчас он вспомнил про Новый год. Мангал с шашлыками во дворе, музыка, дети с хлопушками, шипящий бокал в руках, сладкие мандарины – все это вдруг стало для Ильи таким близким и нужным, что он как никогда захотел побыстрее уйти отсюда. Он отошел от окна и обратился к бабушке:

– Я, наверное, пойду уже.

– Конечно, конечно, Ильюша, – залепетала бабушка, держа в руках стопку таблеток.

Взрывы продолжались. Тусклая комната точно одернулась от таких ярких цветов и сжалась еще больше. Илья быстро накинул куртку и уже стоял у порога.

– Возьми, – сказала бабушка, протягивая ему голубую бумажку, – подсластишь себе жизнь.

– Спасибо, – ответил Илья и незаметно подсунул купюру под стопку лекарств. – С наступающим.

– Как там мама? – спросила бабушка.

– Да ничего вроде, хорошо.

– Главное, чтобы все здоровы были. Ну ладно, с наступающим вас тоже всех там, передай.

С неба падали крупные хлопья снега и сразу же таяли. На улицах никого уже не было, но повсюду слышались хлопки и взрывы, которые, казалось, происходят сами по себе. Вдалеке Илья заметил длинный, тонкий силуэт Андрея Афанасьевича и свернул в арку.